

Перед новой дорогой

Эти книги, вышедшие почти одновременно, несомненно, обратили на себя внимание читателей — «Кануны» Василия Белова и «Мужики и бабы» Бориса Можаяева.

...С полтысячи верст пролегло между беловской Шибанихой, что на Вологодщине, и можаевским Тихановом, стоящим вблизи Оки. С полтысячи верст, а во времени совсем немного: «Кануны» рассказывают о 1928 годе, роман Можаяева — о лете 1929-го.

Неспешно разворачивается действие «Канунов». С героями Белова мы сводим знакомство в тот момент, когда шибановцы празднуют святки. И пока в одном доме собирается степенная компания, а в другом накаляются страсти за карточной игрой, пока парни рядятся для святочного гулянья, а девки гадают в бане, — перед нами проходит колоритная галерея крестьянских характеров, прежде всего, конечно, мужиков, чьи главные мысли вращаются, как всегда, вокруг хозяйства и тех забот, с которыми пришло к ним новое время. С одним из этих мужиков, Данилой Пачиным, читатель вскоре побывает не где-нибудь, а в Москве, куда Данила отправится искать у самого Михаила Ивановича Калинина управу на ретивого уполномоченного РИКа Игната Сопронова. В столице мы познакомимся поближе с еще одним шибановцем, успевшим стать заправским москвичом, Петром Гириным, и его история приведет нас на московский завод, в рабочую атмосферу 20-х годов. Вернувшись домой, Пачин женит сына Павла, при этом все тот же Сопронов помешает торжеству венчания, ко-

торое происходило в еще действующей шибановской церкви. И только когда Павел, совсем свежий молодожен, поедет за сеном к лесному стожью, поедет и встретит вдруг ее, «матушку», ту, что «много лет... снилась ему по ночам» — сосну для мельничного стояка, — тогда лишь и стронется с места действие романа, начнет, с самых малых оборотов, как крылья огромного ветряка, набирать ход конфликт книги.

«Он знал, что это та самая сосна... Он видел ее много раз, то в июльском золотом солнечном дыме, то в голубоватом апрельском просторном воздухе над синим, никем не тронутым снегом. Сколько раз он искал ее во сне, подолгу, со сладкой мукой; сколько раз находил, а потом либо блудился и терял ее, либо просыпался. Всегда после такого сна он с неделю жил с этой тревожно-радостной мукой в душе».

Кому-нибудь, поди, даже чудно покажется, как это: дерево — да «матушка», дерево — да чтоб снилось годами. Хотя и высокая, в поднебесье, сосна, да не высокая ведь мечта! Подумаешь, мельником, хозяином, а там, глядишь, и кулаком захотел стать... Только нет, не этого хотелось Павлу. Сердце у него стеснилось от желания осуществить себя в невиданном деле, поднять, пусть из последних сил, пусть ценою последнего мешка с зерном, но поднять на юру «свою деревянную думу», «с ласковым бесконечным шумом камней», «с резным князьком на амбаре», собранном на громадном столпе, который станет «крутиться на тонком, как у рюмочки, перехвате, подставляя ветру свои широченные махи».

Читателю, следящему за современной литературой, вряд ли стоит напоминать, что Василий Белов и Борис Можаяев — значительные и своеобразные писатели, яркие, как принято говорить, представители «деревенской» прозы, струя которой была так сильна в минувшее десятилетие. Не спутаешь их писательские манеры: можаяевскую с резко очерченными, а то и заостренными характерами, с мозаичностью, красочностью и озорством жизненных картин, в которых на первом плане постоянно оказывается бытовая сторона, то и дело поворачивающаяся к автору и его героям так, что смех и грех только; и беловскую, идущую от внутреннего мира героев, лирически теплую и мягкую, с неторопливым движением судеб в щемящей соотнесенности с краткостью мига жизни и ее непостижимой величественностью. Хорошо помнится Иван Африканович Дрынов из «Привычного дела» Белова — один из самых убедительных образов наших сельских тружеников, привлекающий добротой, честностью, человечностью. Точнее даже будет сказать, над человечностью у Ивана Африкановича преобладает глубокая и чистая любовь ко всему живому — всякой живой твари, всякому листочку да травинке зеленой, всей природе-матери. Вот и в новой книге у любезных сердцу Белова героев такая же природная чистота помыслов, такие же цельность и основательность, немалые стойкость и упорство. Активными натурами, правда, их не назовешь, но здесь следует считаться с особенностями тогдашних условий. Ивану Африкановичу, например, очень не хватает бойцовских качеств, чувства хозяина на своей колхозной земле, но

тому ведь были значительные объективные причины послевоенного положения нашего сельского хозяйства, да и субъективных тоже было достаточно.

Как, в какую сторону разовьется характер нового беловского героя, Павла Пачина?.. Писатель завершает первую книгу «Канунов» тогда, когда мельница придавила Павла еще и налогом с нее, с непостроенной. Осилит ли, выдюжит Павел эту новую ношу или зароет мечту свою в землю, на которой от нее останется громадина столп да еще больная память о том, как валилась сосна-великанша, память, тревожно перекликающаяся с судьбой Павла? Или откроется перед ним новая дорога, та, которую неудержимо прокладывало время перед старой российской деревней?..

С того, чем «Кануны» в общем-то кончаются, начинается новый роман Бориса Можаяева. Первая же строка: «У Андрея Ивановича Бородина накануне вознесения угнали кобылу» — решительно обнаруживает драму. Остаться без лошади — это был настоящий разор для крестьянина, все хозяйственные планы которого упирались в тягло. Но для Бородина потеря Веселки отзывается еще более глубокой болью. Ведь у него в мечтах не столько богатство, сколько другая заветная мысль: породу вывести. Жена недаром зовет его «ухажером кобыльим».

Как видим, в главных героях обоих писателей есть нечто общее и, как нам кажется, во многом новое для крестьянских образов в советской «деревенской» прозе. В их характерах над рационалистической заземленностью единоличного владельца куска земли, поневоле

заботящегося лишь о непосредственной выгоде, берет верх высокое устремление. Во многом такому повороту в крестьянской душе давало дорогу новое, советское, время, которое вырывало мужика из каждодневной жестокой борьбы за существование и позволяло развернуться в нем истинно человеческой сути. Конечно, и новая жизнь еще в досталь доставит испытаний, но новое никогда не рождается и не закаляется иначе как в борьбе, муках и утратах.

Правда, хотя почти детективная линия поиска Веселки подобна стержню, на котором держится сюжет всей книги, именно это-то столкновение героя с жизнью драматического развития в романе Можаяева не имеет. И не потому, что Бородин все-таки выручает лошадь; и не оттого, что, желая посчитаться с вором-обидчиком, Андрей Иванович обращается за помощью не к кому-нибудь, а к другому, пусть немного остепенившемуся, но все равно «вору-забавнику, артисту, заводиле и гуляке» Васе Белоногому — тут действительно и грех и смех. Решающее в другом: Бородин — крепкий середняк, у него еще и Белобокая есть, и тот же племенной жеребенок-третьяк; продавать его, конечно, жалко, но Бородин приучен трезво смотреть на мир. Мужичий характер его тем и интересен, что, не ставя во главу угла выгоду (тем более наживу), он и не отрывается от реальности.

Бородин не единственный в романе, кому жизнь подставила ножку. Вот и Успенскому, счетоводу тихановской артели, бывшему красному командиру, но сыну священнослужителя, пришлось оставить артель из-за своего «соцпроисхождения». Было указано в уезде рас-

смаатривать его «как скрытый элемент». А затем и председатель артели Зиновий Тимофеевич Кадыков уходит с поста: сам он вести артельную бухгалтерию не умеет, другого «кадра» вместо Успенского ему не дают, да и самой артелью в РИКе недовольны: «обобществить все орудия труда, землю, скот и так далее» ее члены не желают, производящая кирпич и строительная эта «артель стала убежищем зажиточных крестьян», надо ее «либо перестроить, либо распустить»... Но происходит все это спокойно, сдержанно, на рожон можаевские герои не лезут, желания защищаться, добиваться справедливости у них явно недостаточно — не дальше чем в уездном масштабе. А вот уже оба они и при деле снова: Успенский — в школе, Кадыков — в угрозыске. В общем, бог не выдаст, свинья не съест, как говаривал в подобных случаях Федор Кузькин, памятный персонаж Можаева из повести «Живой», герой хотя и более поздних времен, но из тех же краев, где и Тиханово.

Как, наверное, помнит читатель, Кузькин, вышедший в первые послевоенные годы из плохо руководимого колхоза, своей неунывностью и небессовестной изворотливостью вызывал и сочувствие, и немалую симпатию. Ведь в том, что его активность не так часто оказывалась направленной на пользу общественную, сам он был повинен гораздо меньше других.

Авторское сочувствие и симпатию ощущаем мы и по отношению к Кадыкову и Успенскому, поскольку, как мы видели, и тут существуют извинительные причины (известные под термином «перегибы») идущей на спад общественной активности этих, в общем-то че о себе

думающих, людей. Другое дело, что правда в романе Можаяева, конечно, за Марией Обуховой — основным женским образом «Мужиков и баб», руководительницей местного комсомола, которая зовет того же Успенского не «равнодушно взирать», не «отваливать в сторону».

Однако не их, Успенского с Кадыковым, жите-бытие занимает прежде всего автора.

И у Можаяева, и в той же мере у Белова (хотя в «Канунах» круг изображаемой действительности шире и включает будни московских пролетариев и даже какие-то моменты партийной борьбы с оппозицией) на первом плане жизнь и судьба деревни.

С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно...

Эти лермонтовские строки, поставленные эпиграфом к «Мужикам и бабам», существенно характеризуют авторское отношение к изображаемому не только Можаяева, но в такой же степени и Белова. Они любят своих сельских героев и там, где часто виделись лишь темнота да дикость, видят светлую радость труда, труда тяжкого, от зари до зари, от которого, когда наступают деревенские праздники, и отдохнуть не грех и повеселиться можно от души. И если даже немудрящи их забавы и гулянки, то не винить же тут этих самых мужиков да баб: сердце у них ведь чаще настроено на добро... Потому и милы, и отрадны, и понятны они нам.

И здесь мы подходим к тому, что составляет главный интерес новых произведений Белова и Можаяева.

Обратившись к событиям полувековой давности, ко времени, подернутому исторической дымкой, оба писателя сумели значительно расширить наше знание и ощущение того рубежного этапа, когда крестьянство новой России готовилось вступить на неизведанный, но необходимый путь, на впервые прокладываемые рельсы — на путь социалистического преобразования деревни, на рельсы коллективизации.

Эпоха эта давно и хорошо знакома по таким известным книгам конца 20-х — начала 30-х годов, как «Бруски» Ф. Панферова, «Девки» Н. Кочина, «Ледолом» К. Горбунова, «Лапти» П. Замойского. В них нарисованы впечатляющие картины острых столкновений на селе, тяжкого и темного бедняцкого существования, атмосферы кулацкой кабалы и наживы. Беднота и кулак — вот главные опоры тех книг; беднота против кулака — такова расстановка сил, определяющая их конфликты.

Уже несколько десятилетий спустя в «деревенской» прозе была воссоздана более сложная, более противоречивая, но вместе с тем центральная фигура того времени — фигура середняка. Очень интересно сделал это С. Залыгин в образах крутолучинцев и прежде всего Степана Чаузова из повести «На Иртыше». Конфликт, в который оказались вовлечены крутолучинские мужики, живущие по-прежнему заботой о собственной (пусть теперь колхозной) выгоде, и время, пришедшее к ним с заботой о судьбе, о социалистическом будущем всей страны, находят самое концентрированное выражение в словах Чаузова, когда на вопрос: «Что же Советская власть должна

прежде всего о мужике понять?» — он отвечает: «Выше сознательности с его не спрашивать».

Эту драму времени — необходимость спрашивать с мужика «выше сознательности», драму, осложненную опять-таки «перегибом», — и изобразил С. Залыгин. Уплотненная в рассказ об одной весенней неделе 1931 года, она сосредоточилась на пределе крестьянского средняцкого сознания, которое из-за этого воспринимается в значительной степени неподвижным, не желающим считаться с необходимостью.

В новых книгах Белова и Можаяева, построенных как подробные хроники, мы ощущаем гигантское напряжение всех сил народных, видим постепенный процесс нарастания жертв, которых требовала от своих сограждан отстаивая, крестьянская наша страна, взятая в тесное кольцо капиталистического окружения и ведомая партией на исторический штурм крепостей индустриализации. Мы видим, что крестьянин в массе своей подчинялся запросам времени, шел на эти жертвы, с него можно было спрашивать «выше сознательности». И вместе с тем и Белов и Можаяев показывают, как их герои пытаются уклоняться от участия в этой героической борьбе, поминутно сомневаются в успехе нового, в пользе от него для себя лично (предел крестьянской сознательности, конечно, имелся, им было что терять). Но к этой естественной противоречивости средняцкой массы добавлялось немало шатаний, которые шли от просчетов и просто от преступно неоправданных действий разного масштаба работников, поднявшихся вместе со временем, но не отве-

чавших чистоте и высоте его морально-политических требований.

Увы, вот и в Шибанихе и в Тиханове их оказалось достаточно. Тот же Игнаха Сопронов, с детства затаивший злобу на свою бедняцкую судьбу и теперь вымещающий ее в левацких загибах; или председатель Шибановского сельсовета Микулин, по-деревенски — Микуленок, незаслуженно оказавшийся на таком посту и несознающий своей ответственности, — это в «Канунах». В «Мужиках и бабах» мы видим Возвышаева, председателя РИКа, который способен (и так ему удобнее) проводить линию партии лишь догматически и демагогически, или Сенечку Зенина, готового «проползти любым способом... чтобы повыше быть, позаметнее, с одной целью — отомстить всему миру за свою ничтожность».

К сожалению, персонажи, им противостоящие, такие, как Шумилов и Лузин у Белова или Тяпин и Мария Обухова у Можяева, получились слишком однолинейными.

Еще важнее здесь высказать и другой упрек: в романах явно не хватает исторической памяти, глубинной протяженности биографий их персонажей. У героев почти нет предыстории, нет рассказа о том, как складывалась деревенская жизнь «до 17-го года» и в течение последующего десятилетия. Думается, в этом главная причина того, что картины сельской действительности, рисуемые Можяевым и Беловым в «отрадном» свете, порой приобретают заметный оттенок благодушия, умиротворенности.

Тем с большим нетерпением будем мы ждать новой встречи с героями Василия Бело-

ва и Бориса Можаяева («Мужики и бабы», как и «Кануны», тоже только первая книга романа). Писателям, по-новому осветившим многие стороны той героической и драматической эпохи, по плечу взглянуть на время и его героев еще объективнее, еще глубже.

1977